

Федор Федорович Корф

**Воспоминания о Персии
1834-1835**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф33

Ф33 **Федор Федорович Корф**
Воспоминания о Персии 1834-1835 / Федор Федорович Корф – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 300 с.

ISBN 978-5-519-66924-5

Репринт книги барона Федора Федоровича Корфа (1803-1853) — прозаика, драматурга и журналиста, родственника М.А. Корфа, лицейского товарища А. С. Пушкина. Настоящая книга воспоминаний стала его первым литературным дебютом, в которой автор приводит множество своих впечатлений и наблюдений о жизни и политической ситуации в Персии.

В своем увлекательном путешествии, Корф старается с одной стороны подражать традиции сентиментального романтизма, с другой постоянно над этой традицией подшучивает. В действительности же миссия была более чем серьезной - Корф служил вторым секретарём в русской миссии в Тегеране (Персия, 1834—1835). Отсюда подробное Персии во время кончины Фетх Али-шах и последующей борьбы за престол.

ISBN 978-5-519-66924-5

© Lennex Corp, 2025
© Федор Федорович Корф, 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

въ пріятныя формы, я не хотѣлъ досаждать читателю этими неспособными фразами, которыми многіе путешественники превращаютъ въ ничто все, что не относится къ описываемой ими странѣ. Будучи весьма далекъ отъ такихъ злонамѣренныхъ замысловъ, я говорилъ, что самъ видѣлъ или самъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей. Сужденія мои могутъ показаться ошибочными, поверхностными, дурными, — но вѣрно ни кто не скажетъ, что бы я имѣлъ въ виду умышленно вводить въ заблужденіе читателя, — грѣхъ тяжкій, котораго я боюсь страшно и стараюсь избѣгать всегда. Повторяю еще разъ, я никакъ не ставлю себя на ряду тѣхъ путешественниковъ, которые изъ хвастовства, или по какой нибудь другой причинѣ, считаютъ долгомъ и обязанностію хвалить безъ пощады все ими видѣнное.

Въ свое оправданіе долженъ я сказать, противъ могущихъ подняться на меня обвиненій, что я смотрѣлъ на Персію не какъ оріенталистъ, не какъ ученый, но просто, какъ Европейецъ, попавшій въ Азію и записывающій все что бросается ему въ глаза. Это сознаніе, надѣюсь, избавитъ меня отъ многихъ нареканій

VI

со стороны нашихъ Зоюловъ. Впрочемъ, претензіи мои, при изданіи въ свѣтъ этихъ листовъ, вовсе не велики. Если найдутся добрые люди, которые будутъ читать ихъ не въ видѣ лекарства отъ бессонницы, а такъ, въ видѣ чтенія не скучной книги, съ меня довольно.

Кажется предисловіе не длинно, вы не можете побранить меня за это, почтеннѣйшій читатель, и вамъ досадно однакоже, что вы съ самаго пачала книги не можете обвинить въ чемъ нибудь бѣднаго автора. — Богъ съ вами!

ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Петербурга.—Георгиевскъ.—Екатериноградъ.—Владикавказъ.

Девятнадцатое Августа 1854 года памятный для меня день. Я простился съ матерью, съ родными, съ друзьями. Тяжело было для меня это прощаніе; сколько разнородныхъ мыслей тревожило мой умъ, сколько чувствъ тѣснилось въ сердце. У меня, какъ то можетъ быть у многихъ подобныхъ мнѣ, разставаніе и мысль о вѣчной разлукѣ соединены тѣснѣйшими узами, и потому пожатіе руки другу, взглядъ на знакомые предметы и съ ними слово прощанья, наводятъ на ме-

ня необыкновенную тоску. Но чтоже дѣлать? *Der Mann muß hinauf*, говоритъ Шиллеръ, и придерживаясь этаго-то правила я собрался ѣхать въ Персію. Въ порядкѣ вещей было-бы долго не рѣшиться покинуть берега Невы и шагнуть черезъ всю Россію въ Азію, однако пренебрегая этимъ порядкомъ, я не долго призадумался: подорожную въ карманъ, шинель на плечи, самъ сѣлъ въ бричку, будущаго посадилъ на козлы, и ухорская почтовая четверка промчала меня по всему Петербургу, мимо шлагбаума, на Московскую дорогу.

Теперь я прошусь съ вами, любезный читатель, я поѣду съ станціи на станцію по Россіи, не стану вамъ говорить о ней: Московскій трактъ такъ извѣстенъ, Тула, Воронежъ, Новочеркасскъ также, мы свидимся съ вами у подножія Кавказа. Пока я буду ѣхать, спать въ экипажѣ, глотать пыль, освѣжаться дождемъ, браниться съ станціонными смотрителями, чинить бричку, скучать, изнемогать отъ усталости, однимъ словомъ, наслаждаться всеми прелестями ѣзды, чѣмъ бы занять мнѣ васъ? Рѣшительно не знаю. Хотя на бумагѣ ѣдется гораздо скорѣе чѣмъ по самой изящной чугунной дорогѣ, чѣмъ по самому отличному шоссе, не говорю уже о натуральной землѣ доставшей-

ся въ удѣлъ напимъ отечественнымъ путямъ сухопутнаго сообщенія, но тѣмъ не менѣе все таки пройдетъ время. Что же дѣлать?—Приложить по примѣру предшественниковъ моихъ краткую исторію Персіи! — Нѣтъ, я не хочу этаго по двумъ весьма уважительнымъ причинамъ: во первыхъ потому что вы обучались этому въ дѣтствѣ, а во вторыхъ потому что я вообще не терплю ничего *краткаго*, считая слово это синонимомъ *пустаго* или ни куда негоднаго. Говорить вамъ о томъ, что я чувствовалъ, что я думалъ во время пути? — Для васъ скучно, а для меня непріятно. Что же дѣлать, что же дѣлать?—Лучше всего поставить точку и провести тире *Punctum und Gedankenstrich*, каковыя знаки могутъ изображать все что угодно, даже краткую исторію Персіи. И такъ, почтеннѣйшій читатель, отложите книгу на часъ или на полчаса въ сторону, и займитесь въ это время чѣмъ вамъ заблагоразсудится, я ставлю точку и тире. —

Я въ Георгіевскѣ, здѣсь уже пахнетъ Кавказомъ.

— Здравствуйте почтенная хозяйшка, нѣтъ ли у васъ въ трактирѣ чего нибудь поѣсть?

— Не знаю, батюшка, ничего, у меня страшился лихорадка, измучила проклятая.

— Благодарю за это угощеніе, у меня въ бричкѣ нѣтъ мѣста для такой поклажи. Не лъзя ли накормить?

— А вотъ спросите сына. Ваня! Ваня!

Явился Ваня въ сѣромъ сюртукѣ съ прилизанными на головѣ волосами.

— Почтеннѣйшій, дайте мнѣ поѣсть и отпустите поскорѣе.

— Чего прикажете? есть рыба подѣ желе-емъ, есть жареные фазаны.

— Давайте рыбы подѣ желе-емъ, давайте жареныхъ фазановъ, давайте чего-нибудь, только давайте; ваша медленность можетъ погубить васъ, у меня и на васъ зубы подымутся.

Подано, съѣдено.

— Нѣтъ-ли напиться, випа, какое у васъ есть?

— Есть прекрасное Сантуринское.

— Покорно благодарю, я не нуждаюсь въ лекарствахъ, я пробовалъ въ Ставрополѣ прекрасное Сантуринское и до сихъ поръ съ нимъ еще не раздѣлялся.

— Другаго вина нѣтъ-съ, а есть Парзанъ.

— Давайте, давайте!

Какъ не выпить Нарзану, этой живительной влаги отъ которой говорятъ только-что мертвецы не воскресаютъ.

— Хорошо, однакоже должно быть не первый сортъ, что-то слабенько.

— Помилуйте, и въ Пятигорскѣ лучше пить.

— Положимъ такъ, вслите-ка подавать мою бричку.

Подана.

— Охъ, какія у васъ скверныя лошади.

— Гоньба больша, все ѣдутъ съ теплыхъ водъ.

— Прощайте, пошелъ! стой, стой! Хозяинъ, хозяинъ! что это тамъ виднѣется черно-ватое и бѣловатое?

— Это-съ называютъ Ассесорское кладбище.

— А! понимаю, прощайте, кланяйтесь вашей матушкѣ, дай Богъ ей поскорѣе избавиться отъ лихорадки.

Пошелъ!

Боже мой! какаѣ грязь, какаѣ большаѣ деревня! Что это такое?—Екатериноградъ.

Не красивъ, нечего сказать, грѣхъ бы похвалить его.

Кто бывалъ на Кавказѣ, тотъ знаетъ что такое Екатериноградъ, тотъ знаетъ какіе ужасные слова нераздѣльны съ этимъ собственнымъ именемъ, слова: «конвой, почта и и наконецъ самое убійственное *оказія*». Хуже этаго слова не существуетъ никакого выраженія ни на какомъ языкѣ въ мірѣ. *Оказія* значитъ: живите въ Екатериноградѣ нѣсколько дней въ дурной избѣ, питайтесь чѣмъ угодно; выходите если это васъ забавляетъ на грязную улицу поглядывать не ѣдетъ-ли запоздалая почта или какой-нибудь курьеръ, который вытащитъ васъ изъ вашего жалкаго мѣстопребыванія, живите надеждою, забудьте настоящее, вычеркните его изъ числа дней жизни вашей, предавайтесь сколько угодно скукѣ, унынію, отчаянію, на ваши вопли не будетъ отголоска, никто не подастъ вамъ руку помощи кромѣ слѣзнаго случая, а на него, какъ извѣстно, иногда плохо надеяться. Одно съ чѣмъ бы можно сравнить пребываніе въ Екатериноградѣ въ ожиданіи *оказіи*, это карантинны на Араксѣ, но объ нихъ еще не время говорить.

Я полагаю однако, что изъ всего сказаннаго мною вы не можете имѣть точнаго понятія о томъ, что есть *оказія*; пора сказать вамъ это какъ слѣдуетъ толково.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что дорога между Екатериноградомъ и Владикавказомъ пролегаетъ черезъ Кабарду, мѣсто не совсѣмъ безопасное отъ набѣговъ Черкесовъ, которые иногда изволятъ нападать на путешественниковъ. Въ отвращеніе подобныхъ случаевъ всѣ ѣдущіе по этой дорогѣ отправляются изъ Екатеринограда съ конвоемъ, а такъ какъ не достало-бы никакого гарнизона для провожанія каждого путешественника особенно, то и ссѣ назначенные дни, въ которые, вмѣстѣ съ приходящею изъ Петербурга почтою, отправляются цѣлые караваны. Вся штука расчетливаго путешественника состоитъ въ томъ, чтобы поспѣть въ Екатериноградъ именно въ тотъ самый день, когда отходитъ почта. Но эта штука по извѣстной пословицѣ, что «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ» не всегда удается: дурныя дороги, недостатокъ лошадей, и тому подобныя путевыя приключенія замедляютъ иногда ѣзду такъ, что вмѣсто того чтобы поспѣть къ сроку, пріѣдешь нѣсколькими часами позже и тогда, все пропало, надобно ждать *оказіи*, т. е. прихода другой почты, экстреннаго курьера или случайной пересылки солдатъ съ одного поста на другой. Теперь вы постигаете смыслъ гибельнаго слова *оказія*, вы понимаете всѣ му-

ки претерпѣваемыя человѣкомъ ожидающимъ оказіи.

Къ счастію моему прибылъ я въ Екатериноградъ вечеромъ наканунѣ отхода почты, такъ что мнѣ оставалось прожить въ этомъ эдемѣ только одну ночь. Нашествіе на мою особу вражихъ силъ въ теченіи этой ночи не произвело на меня рѣшительно никакого впечатленія, потому что я только и дѣлалъ что благословлялъ судьбу спасшую меня отъ явной гибели, въ случаѣ если бы я пріѣхалъ не въпопадъ на проживаніе въ Екатериноградъ. Въ 8 часовъ утра барабанный бой, возвѣщающій сборъ на назначенное мѣсто, воззвалъ отъ сна всѣхъ чающихъ отправления. Всѣхъ возможныхъ видовъ экипажи потянулись съ разныхъ концовъ Екатеринограда къ карантину. Разнаго рода брички, коляски, кибитки, телѣги набитые Русскими, Армянами, Грузинами, огромная стая Татаръ съ немазанными арбами (родъ телѣгъ на двухъ большихъ колесахъ), стадо барановъ, нѣсколько быковъ,—все это очутилось вдругъ какъ-бы посредствомъ волшебства на сборномъ мѣстѣ; военные, статскіе, купцы, мѣщане, мужики, казаки, конвойные нѣшіе солдаты, все явилось на этомъ базарѣ, суэта страшная; одинъ забылъ узелокъ, проситъ подождать, другой